

Александр Щёголев

Вать машу!

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Вать машу! / А. Г. Щёголев — «Щеголев Александр Геннадьевич»,

Смерть матери – это такое горе, которое трудно умещается в голове и в душе. Особенно если ты осталась совсем одна на свете. И как же нужна поддержка в такие сложные моменты жизни... даже если это поддержка призрака. Рассказ получил в 2008 году премию «Астрея», присуждаемую всем сообществом профессиональных писателей-фантастов (голосование проводится по электронной почте).

© Щёголев А. Г.

© Щеголев Александр Геннадьевич

Содержание

1.	5
2.	6
3.	8
4.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Щёголев

Вать машу!

Рассказ о чистой силе

На основе событий, произошедших с реальными людьми

1.

Ее заперли в туалете, как раз когда зазвонил телефон. Снаружи стрельнула задвижка – в абсолютной тишине. В первую секунду она даже не сообразила, что произошло; сидя на унитазах, подергала дверь. Нелепо воскликнула: «Ау, мамуля!», и только потом ее ожгло... В квартире – никого! Вернее, никого не должно быть. Если не считать тела матери в большой комнате.

Телефон трезвонил, и тогда она отчаянно ударила дверь, раз, другой, третий, пока не вырвалась на волю.

Опоздала. Сигнал умолк.

Она обошла квартиру, все три мертвые комнаты. Жилище было ярко освещено, подметено, убрано, проветрено, – и совершенно пусто. Кроме кошки да ее самой отныне здесь некого было искать... Что за шутки?!

Машенька присела на скамеечку в прихожей, тупо глядя на выдранную с мясом задвижку. Дверь туалета медленно, со скрипом приоткрывалась, но в этом как раз – ничего сверхъестественного. Косяк чуть перекошен, мужских рук в доме отродясь нет – оттого, кстати, снаружи и стоял шпингалет... Страха не было. Никогда еще ее не запирали в уборной таким вот образом, и она не слышала, чтобы что-то подобное случалось с другими, но страха – нет, не было. Была пустота. Ничего, кроме пустоты.

Кошка забила под кухонный стол и смотрела оттуда очумелыми глазами.

– Симочка, – позвала ее женщина. – Иди ко мне, кисуля...

2.

Мать умерла около трех часов назад. Без пяти восемь вечера. Время запомнилось, потому что только-только протрубили позывные этого ее дурацкого телешоу, стори оно вместе с телевизором. Сначала матери сделалось вдруг нестерпимо душно, ее одолел сухой нескончаемый кашель. Она даже выползла из постели и побрела открывать окно. Уличный воздух не очень-то помог: она начала задыхаться. Упала возле дивана, не сумев вернуться, – тут и дочь прибежала на звук... Пока «скорая» ехала, матери не стало. Не дождалась. По правде говоря, машина с врачом долго до Шаров добиралась. Поселок Шары – на границе Мариинского и Постненского районов Ленобласти, а единственная на район станция «скорой помощи» – в городе Мариинске. Врач порасспросил Машеньку, как оно с матерью было, и уверенно заявил, мол, инфаркт, сердечная астма, возможно, отек легких. Классика. Проблемы малого круга кровообращения. Страдала больная сердечной недостаточностью? Страдала. Ну и вот.

Коварная штука – сердечная недостаточность, особенно, если ты едва перевалила через полтинник. Никто не собирается умирать от этого заболевания в пятьдесят один год. Сердце пошаливает и пошаливает, а человек живет себе, не бьет тревогу, не принимает меры, – ждет, что само рассосется...

Дура, подумала дочь о матери. Что ж ты наделала, дура?

А ведь всего месяц назад у нее случился инсульт. Пусть легкий, практически без последствий, но... И сразу, чуть оправившись, она серьезно загрипповала. С температурой зачем-то поперлась на работу... героиня безмозглая! Как осложнение – острейший бронхит. Короче, если оглянуться, – все дороги вели к сегодняшнему дню... Нет, не хочется оглядываться.

Врач попался молодой, бойкий, говорливый. Рассказал, что согласно каким-то там исследованиям все смерти от инсульта случаются примерно в одно время, дважды в сутки, – с шести до восьми утром или с шести до восьми вечером. А при чем здесь мой случай? – довольно резко отреагировала Машенька. Или вы отказываетесь от своей сердечной астмы в пользу инсульта? Нет, говорит врач, просто ваша уважаемая матушка скончалась незадолго до восьми, вот к слову и пришлось. Конечно, вы правы, логичнее было бы ожидать второго инсульта, но, как говорится, прозектор поставит диагноз и назначит лечение...

К слову ему пришлось, шутнику! Прозектор лечение назначит!

– Вы такой умный, – психанула Машенька – А я такая неловкая.

Она сбросила на пол сумку, с которой этот живчик приехал. Изнутри вывалился... «Справочник фельдшера».

– Так вы не врач?

– Это почему? Фельдшер!

Он был виден насквозь, маленький фельдшер с большим самомнением. Хотел на халяву подбить клинья к смазливой телке, хрен бесстыжий. Ладно, все они, мужики, одинаковые. Машенька привыкла. Главное, смерть констатировал и вызвал милицию, прежде чем сгинуть навсегда...

Зачем милицию? Положено. Смерть еще надо зарегистрировать и выяснить, нет ли криминала. Потом отправить тело на вскрытие. Если усопшая не старая, то вскрытие, как и вызов милиции, неизбежно; его назначают во всех случаях, когда человек умирает вне госпиталя.

Мать была не то что не старая – даже не пожилая! Прекрасно выглядела, до сих пор на нее заглядывались. Пятьдесят один год – что за возраст для женщины? Для настоящей женщины...

Милиция явилась в образе ленивого и толстого участкового, который, так толком ничего не объяснив, предлагал подсуетиться с перевозкой, а когда денег не дали – уехал, обидевшись.

Перевозкой они называли спецтранспорт, на котором забирают тело в морг. Криминала, ясное дело, не обнаружили. И транспорт вызвали, никуда не делись... Честно говоря,

Машенька была на грани паники. Откуда ей знать про все тонкости – ей, двадцативосьмилетней женщине, которая никогда никого не хоронила? С отчаяния опять позвонила в «скорую». Хорошо, диспетчерша попалась человек, – разъяснила ей ситуацию... Вскрытие производится в морге, и только потом можно получить свидетельство о смерти. А пока нет свидетельства, с телом ничего не сделаешь, – все дальнейшие действия словно бы заклинило. Даже в бюро ритуальных услуг не обратишься. Вообще, без этой бумажки не вступишь в наследство, не решишь проблемы с банком, с квартирой, с университетом...

Так она поняла.

Вот и жди теперь, когда мать увезут.

Она ждала.

3.

Звонок в дверь вырвал ее из трясины безволия.

Кошка Сима, уже покинувшая убежище под столом и осторожно выбиравшаяся из кухни, стрелой промчалась в Машенькину комнату – лишь когти скрежетнули на вираже, – и влетела на полном ходу под диван. Странно, до сих пор она реагировала на звонки в дверь совершенно по-другому: бежала к двери посмотреть, кто пришел.

Там была соседка с последнего этажа. Поднималась к себе, волоча два пухлых полиэтиленовых пакета (наверное, припозднилась с электрички). Пакеты, впрочем, поставила на ступеньки.

– Вот, – сказала она, тяжело дыша, – у вас в почте лежало.

Протянула конверт. Машенька взяла, посмотрела на надписи, не в силах ничего прочитать.

– Спасибо за любезность, – и вдруг сообразила. – Но, простите, каким образом вы смогли...

– Ящик-то ваш, того, – сообщила соседка, понизив голос. – Что шпана творит, вы подумайте! Дверцу выдернули. С петельками. Под ногами валяется. Вот я и...

Машенька отчетливо помнила, что всего три часа назад, когда она несколько раз бегала на улицу встречать «скорую», почтовый ящик был цел. Как и все прочие, кстати.

– Спасибо, – автоматически сказала она.

– Вы, это, с утра позвоните в отдел доставки, или куда там еще. Пусть пришлют мастера.

– Непременно.

– Руки б пообрывала, – сказала соседка и потащилась вверх по лестнице. – Уроды... Развели дебилов...

Машенька закрылась в квартире и оперлась спиной о дверь. Про свалившееся на нее горе – промолчала. Зачем, кому какое дело... Шпана? – думала она. – Мальчишки? Ой, вряд ли. Подложили бы дымовуху или напихали мусора, а если уж приспичило курочить ящики – то почему наш! Чем другие жильцы лучше? Как странно...

За что мне все это?

Она рассмотрела, наконец, конверт. Адресовано матери, фамилия имя и отчество написаны полностью. Обратный адрес отсутствует, в поле отправителя стоят буквы «С. П.» Инициалы, очевидно. Или первые буквы имени и фамилии. На штемпеле легко читается город: Санкт-Петербург. А также дата – пятнадцатилетней давности.

Письмо отправлено пятнадцать лет назад? Ошибка!

Конечно, ошибка, сказала себе Машенька, направляясь в большую комнату. Остановилась на пороге, оттягивая время. Вытащила из конверта сложенные листки бумаги – хороший повод, чтобы не входить. Заставила себя сделать шаг...

Здесь плохо пахло; или это только казалось? Сладковатый дух витал в помещении, вызывая дурноту. Смерть пахнет, даже если Ее еще нет; когда же Она так близко, что дотронуться можно, – запах этот ни с чем не спутаешь... И было почему-то холодно. Машеньку пробрал озноб.

Покойница лежала в той же позе, в какой ее оставили (как же еще?) Руки на груди, глаза закрыты. Глаза мать закрыла сама, перед тем, как уснуть навсегда. Чтобы не смотреть на нее, Машенька развернула письмо и пробежала взглядом первые строчки.

«Неонила Ивановна! Мы с Вами подсчитали, и вышло, что не виделись мы 11 с лишним лет. В человеческой жизни это очень много. За это время

люди меняются и физически, и духовно, и восприятие явлений, отношений так же претерпевает очень заметное изменение...»

Ровный понятный почерк, легко читается, но смысл, – каков во всем этом смысл? Кто автор, о чем пишет? Неонила Ивановна – это, собственно, имя-отчество матери... Машенька перечитала первую страничку... нет, все мимо. Никому это теперь не нужно.

Тут и телефон завякал. Дочь с облегчением бросила письмо на стул возле кровати. База с трубкой размещалась на тумбочке в прихожей. Хороший повод, чтобы уйти и не наткнуться взглядом на это птичье лицо, столь внезапно ставшее чужим и незнакомым. Заострившийся нос и скулы, ввалившиеся щеки...

– Машу-вать, снегурочка моя, – нежно произнесли в трубке. – Чего мобильник отключила?

– Подожди, сейчас посмотрю... Аккумулятор сел.

– Давай мы тебе новую трубу купим.

– У меня их теперь две...

Звонил Женатик. Так мать называла мужчину – за глаза, конечно, – из-за которого Машенька в свое время разум потеряла. И прозвище это прижилось в их доме. Что касается обращения «Машу-вать», то сия милая кличка возникла еще в школе, хорошо хоть, пользовались ею немногие – мать, Женатик вот тоже.

– Это ты недавно звонил? – спросила она. – Прости, я не успела подойти.

– Не я. Наверное, другой кавалер. Ох, заревную!

– Что ты хотел?

– Приезжай ко мне. Прямо сейчас. Супруга изволила к родственникам отбыть, и пацанов с собой прихватила. Только не шуми, я вижу, сколько на часах. Ты вызови такси или, там, машину на шоссе поймай, не думай о деньгах...

– Мама умерла, – сказала Машенька.

– Что? – он осекся.

– Мама. Умерла. Сегодня вечером.

– Подожди... Как умерла?

– А как умирают? – закричала Машенька. – Например, когда с гриппом после инсульта на работу ходят! Или когда «скорая» по часу на вызов едет! Что неясно?

– Еду, – сказал Женатик. – Держись, ежик.

Отключился.

Неужели и вправду приедет?

Никого у них с матерью нет – одни на свете. Впрочем, отец... Был отец. Вернее, есть. Третий муж Неонилы Ивановны, которого мать презирала пуще всех прочих мужчин. За что? За то, говорила она, что спать в носках ложился. Машенька хорошо к нему относилась: нормальный мужик. Виделись только очень редко.

Да, плохо быть одной, особенно, если совсем одна. Всю жизнь мать ей об этом толковала, а она посмеивалась. Только сейчас поняла, насколько это плохо...

4.

Разговор непонятным образом раскачал ее и взвинтил. Сидеть она больше не могла: апатия разом сменилась жадной деятельностью. Она пометалась по квартире, не зная, чем себя занять; попыталась мыть посуду, подумала, не стготовить ли чего... от мыслей о еде тут же замутило. Потом она вдруг вспомнила, что нужно разобраться с вещами. Сработал стереотип поведения: когда человек уезжает в больницу, его собирают. Мать уезжала вовсе не в больницу, но дочь словно забыла об этом: главное было – занять руки.

Она перебралась в среднюю комнату. (Большую и среднюю занимала мать, в дальней жила дочь.) Кровать, кресло с высокой спинкой, платяной шкаф, секретер с книгами, музыкальный центр... Она выгребла из платяного шкафа всякую всячину. Нашла чулки, платье, комбинацию поприличнее. Жаль, некому было ей сказать, что никакие вещи сейчас не нужны, что их придется везти в морг *потом*, и вещи потребуются новые, неношеные. Впрочем, подобранный наряд все-таки показался Машеньке не вполне приличным. Она вспомнила, как однажды в маршрутке пожилая женщина рассказывала другой пассажирке, мол, у нее уже заготовлен «гробовой комплект», чтобы родственникам поменьше хлопот было. Может ли у матери быть «гробовой комплект»? Она принялась искать по новой, думая о том, что в пятьдесят лет люди еще не готовят себе «гробовые» вещи... да и в семьдесят, наверное, далеко не все готовят... и неожиданно поняла, что роется в тряпках вовсе не в поисках одежды.

Она искала деньги.

Была ли у матери заначка, спрятанная втайне от дочери? И если была, то где искать? Машенька наскоро распихала вытащенное барахло обратно по полкам и опустила в кресло. Поднимать матрас? Рыться в книгах, вытаскивать и переворачивать ящички?... Фу, как пошло.

Болезненное возбуждение исчезало, растворяясь в разъедающей душу обиде.

Обида осторожно ходила вокруг Машеньки все эти страшные часы, но теперь, осмелев, села к ней на колени, обняла и посмотрела женщине в глаза... Проблема была именно в деньгах. Конечно, смириться с уходом родного человека – да просто осознать это! – непросто. Но когда личное горе осложняется чисто финансовыми потерями – пиши пропало...

«Как же вы могли так со мной поступить, уважаемая Неонила Иванна? – закипало в голове у дочери. – Не следили за своим здоровьем, отмахивались от всего, что вам говорили. Собирались жить вечно молодой – и вечно хорошевать с кавалерами разной степени резвости, среди которых, справедливости ради, попадались чуть ли не моего возраста...» Нечестно это. Мать не уставала повторять, что на свете есть только два человека, достойных ее любви: доченька и она сама. Вообще, о любви она много рассуждала: в том смысле, что эта напасть – удел слабых и зависимых, то есть НЕ-личностей. Сама же – о-о! – была личностью... И что показал сегодняшний день? Даже себя она не любила, не говоря уж о своем ребенке. «Прости, мамуля, но относилась ты к себе наплевательски», – подытожила Машенька.

И что теперь прикажете делать?

«Не думай о деньгах», – обмолвился тут Женатик. Да как же можно о них, проклятых, не думать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.